

Мария Тилмат

18+

ВЕЛИЧИЕ

Повторяют ли дети судьбу родителей?

1

18+

Мария Тиамат

Величие. Книга 1

«Автор»

2023

Тиамат М.

Величие. Книга 1 / М. Тиамат — «Автор», 2023

Больше всего Аурелия, наследника целой империи, тяготит необъяснимая вражда родителей. И когда их загадочным образом убивают, молодой император оплакивает не только горечь утраты, но и то, что не успел помирить отца и мать. Аурелий находит опору в любви к иностранке — и теперь готов на всё, чтобы сделать её своей супругой. А она амбициозна и не боится обогатить руки кровью. Казалось бы, их цели совпадают. Но не зря же говорят, что дети повторяют судьбу родителей. Тени прошлого преследуют живых, и схватка становится смертельной.

© Тиамат М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1. Они	5
Пролог. Наказание	5
Глава 1. Боль	8
Глава 2. Беспомощность	14
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мария Тиамат

Величие. Книга 1

Часть 1. Они

Пролог. Наказание

...Остроконечные стены, окружающие особняк и тем самым придающие ему сходство с замком, выступали из ночной тьмы неясной громадой. Месяцы – даже не недели! – наблюдений позволяли убийце с лёгкостью оценить расстояние до их подножия и то, с какой стороны поместья она сейчас находится. В руках лежал тяжёлый амулет, испускающий колющие, неприятные импульсы. Его ей несколько мгновений назад в лесу передал Повелитель.

«Они предполагают, что к ним может явиться ассасин. Но не ждут, что сегодня. Уничтожь всех, кто там находится. Затем возвращайся к себе». – Его голос, до сих пор звучащий в ушах, отдавался в каждой мышце жжением. «Действуй. Действуй!» – властно приказывало вживлённое в кровь рабское заклятие.

Убийца скользнула вверх по холму, стараясь держаться густых зарослей. В этой части усадьбы один из стражников позволял себе слабость, пока никто не видел, не патрулировать стену, а вальяжно опереться на бердыш.

Присев за толстой развилкой двух осин, она вытянула для уверенности руки и медленно, стараясь не упустить ни капли магической энергии, стала вливать её в амулет. Хозяин спустит с неё шкуру, если она выбросит такой дорогой артефакт, да к тому же улику – поэтому требовалось рассчитать точно, сколько времени он должен действовать. Нейтрализаторы были очень эффективны против строений, укреплённых заслонными чарами – настолько, что их частное хранение каралось тюремным сроком, – однако и у них был свой недостаток: надевший их лишался возможности колдовать.

За то время, что убийца вжималась в холодную талую землю, выжидая удобный момент, её одежда успела отсыреть. Всё-таки она была женщиной, поэтому носила облегчённый доспех, а тут ещё предстояло взбираться по отвесной каменной кладке. Впрочем, с её регенерацией можно было сражаться хоть нагой: любой перелом всё равно заживёт за минуту.

Стилет вошёл под металлические пластины мягко и бесшумно, и стражник неуклюже повалился навзничь. Казалось, он даже не успел удивиться, когда за его спиной, будто из ниоткуда, вырос силуэт незнакомки. Подхватив его, чтобы не производить шума, убийца для верности перерезала жертве горло.

Размягчённая земля скрыла звук её приземления. Это была дальняя часть усадьбы, зато парк подходил вплотную к стенам. Стоило ей оказаться под сенью деревьев, как раздался сигнал тревоги. Амулет всё ещё работал, был бы он неладен. Стараясь избегать открытых участков, убийца побежала, насколько это позволяли попадающиеся в темноте корни и стволы. Несмотря на липкий холод, стало жарко, хотелось стащить с себя кожаное обмундирование и стальную пластину, прикрывающую сердце.

Затаившись в сумраке, убийца поспешно стянула со спины закреплённые ножны с мечом, перевязывая их на пояс. В этот момент энергия амулета иссякла. Она глубоко вздохнула, отсекая все эмоции...

И грянул гром. Десятки молний прорезали сгустившиеся тучи. Ураганный вихрь взревел, обрывая крики охраны, и обрушился на особняк, выбивая напрочь все окна. Где-то сразу

занялся пожар, а непогода продолжала бушевать, расшатывая деревья, озаряя оскалившееся небо всё новыми и новыми мертвенными вспышками.

Больше ни от кого не скрываясь, убийца продолжила путь по аллее. Буря была её щитом, смертельные разряды – её стрелами. Она одна чувствовала себя здесь свободно и легко, точно в чреве матери. Особняк приближался, ей казалось, что оттуда, из глубины, уже доносятся истошные панические вопли.

Кто-то выбежал ей навстречу, совершенно не заметив опасности, и убийца взмахнула мечом. На лицо упали горячие тёмно-красные капли... В доме царил настоящий хаос. Вскочившая спросонья прислуга сама подставлялась под клинок. Тех, кто пытался убежать, настигала мощная ударная волна. Многие сразу ломали шею. По потрескавшемуся мрамору, или кафелю, или шёлковым обоям стекала кровь. Много крови. Она была повсюду, эта яркая жидкость, очерчивая простёртые под ногами убийцы трупы. Они мельтешили перед глазами, как наваждение. К горлу подступала тошнота.

Можно было бы, воспользовавшись телепортацией, быстрее прочесать всё здание. Но, во-первых, убийца не хотела выдавать таким образом своё точное местоположение. Во-вторых, это даст Шайратам слишком очевидную подсказку, кто их враг.

– Подумать только, до чего я докатилась, – бормотала она про себя, бродя по опустевшим залам. – Дева из благородного рода! Занимаюсь подобной мерзостью!

Распахнутые двери встречали её тревожной тишиной и следами поспешных сборов. Разбившийся флакон с духами, второпях вываленная из комода детская одежда... в желудке убийцы возник тугой узел. Надо было спешить.

Арка перед входом в домашнее святилище оказалась наспех забаррикадирована мебелью. Смешная преграда! Однако стоило вихрю с оглушительным треском разбить шкаф и кресла, как отвратительная резкая вонь ударила убийцу в ноздри. Непроизвольно заслезились глаза. Она едва увернулась от одного арбалетного болта, затем от другого. Третий пробил бедро. Убийца пошатнулась от ослепительной боли.

Вслед за тем некая сила сжала горло, поднимая её в воздух.

– Мерзкая тварь... – прошипел стоящий в конце залы молодой норд и вскинул ладонь. – Готовься!

Он выглядел нелепо в наспех накинутом фраке. Несколько стоящих рядом мужчин перезарядили арбалеты. Нога пульсировала огнём. Задышавшись, убийца подтянула колено и мощным рывком избавилась от древка, сразу ощутив облегчение.

Стоило стрелам зазвенеть, как она распалась чёрной дымкой, материализуясь прямо над Шайратом-младшим. Меч разрубил его с противным хрустом, обдавая убийцу брызгами горячей крови. Раздались панические вопли. Всё закончилось очень быстро.

У одного из противников сдали нервы, и он попытался скрыться в подземном лазе... так вот куда спрятались остальные! Очень удачно. Убийца подошла ближе, и ей в лицо дохнуло затхлой сыростью. Даже не захватив фонаря, она нырнула во мрак.

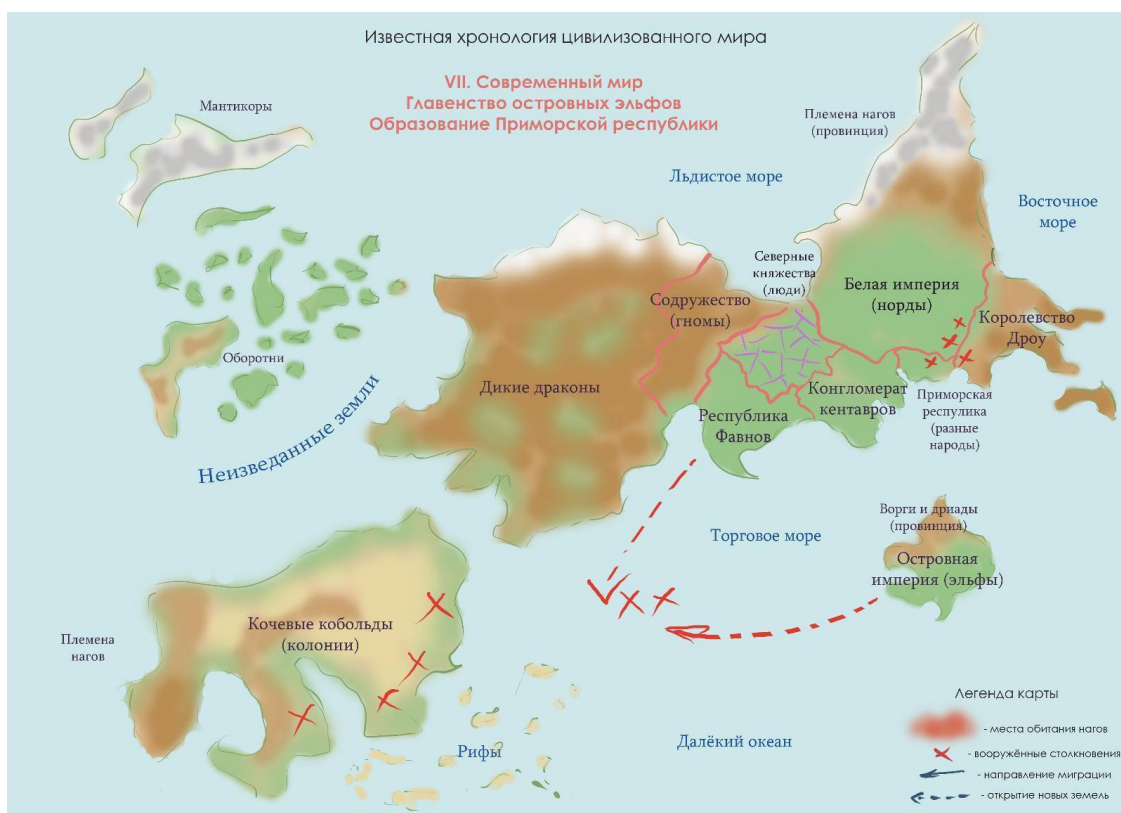
Кладка туннеля была шершавой, но довольно ровной. Очевидно за ним ухаживают на случай надобности. Подумав, убийца всё-таки вновь обратилась дымкой: неизвестно, как далеко ушли беглецы. Вскоре она различила огни. Мало-помалу свет разгорался, распавшись в конце концов на несколько магических светильников, а встревоженный говор и хныканье детей дали ей знать, что она достигла цели.

Они не могли видеть её – сгусток тьмы в такой же крошечной тьме, – только догадываться о её присутствии, зато убийца прекрасно видела их освещённые факелами, искажённые лица. Их было десятеро: нордианка, держащая за руку мальчишку лет восьми, а рядом с ней девушка и вооружённые слуги. Последние, что-то почувствовав, встали шеренгой, перекрывая туннель.

– Бегите, дети мои! – это было последним, что успела произнести баронесса Шайрат, прежде чем убийца оказалась за её спиной.

– Мама! – завопила девушка.

Меч со свистом рассёк неподвижный воздух подземелья, напитывая его кровью и смертью...

Глава 1. Боль

Отец. Что было в этом слове? Робкая любовь ребёнка к родителю. Слабый, но неумолкающий отголосок тревоги.

Он проснулся ночью, как от толчка, и сразу почувствовал: с ним что-то не так. Что именно, Аурелий, или, как к нему чаще обращались, Его Высочество кронпринц, не мог понять. Он долго лежал, прислушиваясь к мерной тишине губернаторской усадьбы, и всё ему отвечало глубоким покоем. Судя по всему, стоял самый глухой час ночи, когда только-только нарождаются новые сутки, и все, от слуг до хозяина дома, спали. Создавалось впечатление, что он один, совершенно один в крошечной темноте на многие километры в округе, как на дне глубокого колодца. Только что Аурелий видел необычный сон: будто бы он ухаживает у себя во дворце за любимым аквариумом, а неподалёку звучит нежное, грустное пение женщины. Её голос обманчивым миражом всё ещё наполнял чужую комнату:

Позволь прижать тебя к груди,
Пока у ног моих играешь;
Дай поцелую твои ручки —
Ох, как ты резво убегаешь!

Что принесёт грядущий день,
То ведать не дано.
Но верь, однажды снова мы
Увидим вместе неба синь,
Сирени цвет и зимний иней —
Уж так нам суждено.

Кажется, эту колыбельную давным-давно Аурелию пела матушка. А он уж полагал, что и позабыл её вовсе!

И всё-таки что-то не давало кронпринцу покоя. Быть может, то, что через пять-десять лет родители, повинаясь зову проклятой крови, вернут души Близнецам-Создателям? И тогда Аурелий останется править совершенно один...

Тоской сжала сердце быстротечность времени. Кронпринц вздохнул, перевернулся на бок, лицом к стене, чтобы перед глазами маячила только серая, неясная поверхность обоев. Тьма окутывала его, погружая ежедневную жизнь в небытие. До рассвета было ещё далеко, но тревога не отступала.

В конце концов, со своей судьбой Аурелий давным-давно смирился. Невозможно страдать из-за того, на что не в состоянии повлиять. Это в детстве, когда узнаёшь правду в первый раз, — да, конечно, слёзы, истерика. Потом начинаешь жить, как все остальные.

Но это мерзкое, странное предчувствие... как будто невидимый паук подбирается к запутавшемуся в паутине мотыльку. Свернувшийся в животе ледяной ком. Может, он боится наступления нового дня? Завтра нужно решить, какому коммерсанту поручить строительство новой больницы, — но Аурелий так и не понял, что за интригу плетёт вокруг этого проекта губернатор. Ох, как Аурелий на деле устал! У него никак не получалось быть таким, как отец, — властным, категоричным, оставляющим последнее слово за собой. И окружающие этим пользовались.

Кронпринц не выдержал, отбросил одеяло. Холодный весенний воздух окутал его, покрывая мурашками. Очень захотелось пить, и Аурелий быстро подошёл к трюмо из красного дерева, перед которым находился столик, а на столике — кувшин с водой. Быстро плеснул

в кружку и залпом выпил. Из зеркала сумрачно глянул бледный мужчина. Правильный овал лица обрамляли бледно-золотистые локоны, даже ночью озарённые едва заметным сиянием. Карие, будто гречишный мёд, радужки тоже загадочно мерцали. Благословение Бездны...

Воображаемый ледяной ком никуда не исчез. Наоборот, он разросся колючими иголками, и кронпринца прошиб озноб. Что за морок?! Глаза уже стали различать бледный узор обоев, хотя небо за полуприкрытыми гардинами по-прежнему оставалось плоским, тёмно-серым.

В памяти вновь настойчиво зазвучала колыбельная. Казалось, будто женщина, исполняющая песню, печально улыбается. Да, пожалуй, всё дело было в матушке: Аурелий не видел её так давно! Целых три года, как по велению отца отправился заниматься делами провинции. Мысли об отношениях родителей наполнили сердце горечью, которую кронпринц всегда старательно от себя гнал.

Откуда-то издалека сонно замычала корова, разбивая окутавшее Аурелия оцепенение. Кронпринц невольно улыбнулся. Он полюбил скакать на коне по бескрайним просторам местных деревень. Наступал последний месяц весны, обнажившаяся земля теперь размякла и источала терпкий, свежий аромат. Копыта коня давили её тёмную массу, как спелый виноград, и в разносящемся глухом стуке отдавалось эхо глубокой, уже пробудившейся и незаметно преобразующей всё вокруг радости. Аурелий с любопытством наблюдал, как каждый день земляпашцы выходят на поля и их приземистые крепкие лошади упорно тянут плуг; как кричат, возвращаясь, стрижи в бескрайней голубой выси и сипло хлюпает между кочками студёный ручей. Это была настоящая жизнь – бурлящая, необъятная, полная ежедневных событий.

Спазм, предшествующий пробуждению новой магической способности, внезапно настиг кронпринца в районе лопаток. До этого по его телу тихо и мирно перетекала спящая энергия. Но теперь магические артерии, резко сжавшись, вошли в резонанс, достигая оптимума, бросая Аурелия в горячий пот. Потянули до предела нервы, раскрываясь в полную силу, – бурлящая, жаждущая выхода мощь хлынула по ним, откликаясь эхом Дара. Кронпринц вскрикнул, падая на колени от боли.

– Нет, не может быть... – хриплый шёпот утонул в вязкой тишине. – Это должно произойти только через пять лет!

* * *

Леса, поля и спящие деревушки стремительно проносились мимо, растворяясь в ночной мгле. Телепортация всегда была наполнена для Аурелия странными ощущениями, точно напоминание, что изначально столь могущественная магия не должна сосредотачиваться в единственном существе. Ему казалось, что тело распадается на кусочки, растворившись в пропитанном звёздным светом воздухе, и остается лишь нагой, бесплотный дух. Здесь не было ни друзей, ни материи, ни времени – чистое, пустое пространство без края и конца, – и это пугало, столь разительно отличаясь от земных ощущений. Считалось, что эта редкая способность, как и некоторые другие, свидетельствует о благородстве крови – и отец, и матушка его, происходя из древних родов, умели перемещаться в пространстве...

Кронпринц не помнил, как одевался и как спешно оставлял записку губернатору перед тем, как телепортироваться в столицу. В голове стоял чёрный туман, и в нём брезжила одна-единственная мысль: он должен сперва проверить. Одно предположение о том, что отец действительно погрузился в сон и больше не проснётся, возбуждало в Аурелии отчаяние. Почему так рано? Почему сейчас? Он снова и снова перебирал в памяти те скудные сведения о происхождении императорского рода, что были известны.

Давным-давно, ещё до нашествия драконов, человеческая раса завидовала эльфам в их магическом могуществе. По велению короля группа магов-исследователей создала сложный ритуал, позволяющий изменить саму природу человечества. Так родился проект «Н» – нового рода людского. Более тысячи подданных-добровольцев согласились принести себя в жертву не столько ради эксперимента, сколько жаждая силы и могущества.

Ритуал удался – но неисповедимы пути Бездны! А быть может, то разгневались Близнецы-Создатели, недовольные заносчивостью чад своих. Новые люди, обретя невероятные магические способности, оказались в то же время совершенно непохожими на эльфов. Их смертоносные чары отличались молниеносностью, а любые раны заживали в считанные секунды. Но в плату за магический дар люди были вынуждены искать источник энергии извне – и лучше всего для этого подходила кровь. И люди испугались того, что создали. Из страха и ненависти они обозвали чудовищ вампирами – точно так же, как жуткую нежить, поднимаемую некромантами.

Однако не тут-то было: новые существа объявили себя нордами, высшей расой, созданной по благоволению Всевидящей Бездны, а людей – рабами, которые отныне должны служить им. Так начались кровавые времена, когда два близких народа безжалостно уничтожали друг друга. Мир вздрогнул и встал на дыбы от криков и жестоких убийств, от смрада и количества колдовства, выпущенного на свободу¹.

Раздор мог бы длиться бесконечно, если бы среди нордов не родился уникальный ребёнок: он обладал Даром, способным подчинять волю собратьев. Первородный, как его теперь зовут, забыв настоящее имя, объединил разрозненные княжества соотечественников. Он сумел остановить армию людей и наладить хлипкое перемирие. Так образовалась Белая империя – северное государство на краю земли.

Вот, собственно, и всё. Несколько позже отец открыл Аурелию, что Дар переходит сам, без чьего-либо участия, со смертью императора к его потомку. И каждый правитель Белой империи, хочет он того или нет, взойдёт на смертный одр, стоит наследнику переступить порог тридцатилетия.

А вот что происходит сейчас, Аурелий никак не мог понять. И это пугало...

Земля внизу сливалась в размытое пятно с редкими проблесками огня. Вскоре острова света начали встречаться чаще, и вот уже на горизонте показалась сияющая полоса. Издалека можно было подумать, будто город увенчан золотым ореолом, – многочисленные металлические крыши и шпили отражали свет фонарей, но сами улицы пронизывало предрассветное хрустальное безмолвие. Вопреки здравому смыслу, Аурелий миновал Храм Первородного и материализовался сперва во дворце, прямо в отцовских покоях, надеясь, что не разбудил никого из слуг. Телепортация – поразительная магия, но и эхо от неё тоже очень заметное. Однако интуиция привела сюда кронпринца не зря. Кабинет оказался неестественно прибранным, будто им накануне и не пользовались, кровать в спальне – заправлена и даже не примята. Что бы ни происходило, это не было похоже на то, чтобы Келсий внезапно поднялся посреди ночи, бросив все мирские заботы, и, повинувшись зову крови, отправился в склеп.

Аурелий судорожно вздохнул, чувствуя себя абсолютно беспомощным. И всё-таки отправился в Храм.

Это было безжизненно-белое здание, ошетилившееся тонкими, точно жала, шпильями. К главному входу, высоко поднятому над землёй, вела гигантская аркообразная лестница – не святилище, а целая крепость. Однако то, что восхищало взгляды горожан и служило местом для главных церемоний, представляло в действительности лишь вершину айсберга. Под разукрашенными мрамором и золотом стенами находилось суровое и неприглядное подземелье. Именно в глубине катакомб, стен которых никогда не касался луч солнца, каждый император рано или поздно возводит себе при помощи чар каменное ложе – последнее своё творение – и погружается в беспробудный сон, медленно рассыпаясь в прах частица за частицей. Только родные приходят, чтобы в последний раз взглянуть на застывшее лицо мертвеца и покрыть его второй половиной саркофага. Ещё буквально несколько часов назад споривший или шутивший владыка, не обронивший ни единого прощального слова, лежит перед ними холодным трупом.

¹ Подробнее можно прочитать в Дополнительных сведениях и материалах, в разделе ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОЙ ИМПЕРИИ

И кроется в этом нечто жуткое, горестное и благоговейное – ибо вновь совершается необратимое, роковое таинство.

Чувствуя, как сжимается сердце, Аурелий ступил в гулкий парадный зал, даже в темноте переливающийся перламутровыми всполохами. Аурелий нечасто здесь бывал, но достаточно ориентировался среди переплетающихся резных арок из сандалового дерева, между которыми были помещены статуи его предков, в самой середине – Первородного, восседающего на троне в виде золочёного дуба. Золото, золото... оно мерцало повсюду, в складках мрамора и на оконных наличниках, на стенах и потолке, олицетворяя священную внешность Табриессов. Точно живые сосуды из мяса и костей, в которые переливалась мистическая сила, императоры жили и умирали, сами подчиняясь ей более, чем любой из их подданных.

Как правило, монументальная архитектура храма давила на Аурелия, вызывая желание выйти обратно к солнечному свету, но сейчас кронпринца охватила торжественная печаль. Точно блудный сын, он возвращался к своему отцу, чтобы наконец вспомнить, для чего был рождён, и смиренно принять должествование. Здесь, как никогда, он ощущал неразрывность наследия. Императоры и императрицы прошлого спокойно ждали его все эти годы, зная, что однажды он к ним придёт, как бы ни хотелось отвернуть лицо от правды. Один раз – чтобы преклонить колена перед возвышением. Второй – чтобы обрести вечный покой, хочет он сам того или нет.

В воображении Аурелия всплыл образ сумрачных ниш вдоль массивной винтовой лестницы, закрытых плитами с высеченными на них датами и инициалами, и кронпринца пробила крупная дрожь. Он взял магический светильник, спрятанный за одной из статуй, как некогда ему показал отец. Из-за низкой двери катакомб пахло сыростью и забвением. Свет выхватил узкие ступени, тонущие во мраке, и Аурелий медленно двинулся вниз, к тому месту, где должны были разрешиться все сомнения. Тёмные проёмы с плитами сменялись один другим – одинаково пыльные, старые. Время то пускалось вскачь, пропуская в сознании целые отрывки, и тогда кронпринц пугался увидеть родителя действительно холодным, безмолвным, больше не отвечающим ни на какие мольбы и обвинения, – то невероятно замедлялось, и тогда Аурелию казалось, что он никогда не дойдёт до конца и эта жуткая ночь с её мучительной неизвестностью будет тянуться вечность.

Но к самому страшному невозможно подготовиться заранее. Аурелий вдруг увидел плиту с именем своего дедушки – и понял, что вот сейчас. Ещё несколько шагов. Он почувствовал чудовищную слабость и опёрся рукой о стену. Посмотрел вверх, на начало гигантской винтовой лестницы. Давящая, зловещая тишина резанула по нервам. Ему захотелось закричать, чтобы хоть эхо ответило ему в этой истязавшей разум мгле, и, не в силах больше выносить пытку, преодолел расстояние. Ниша оказалась пуста.

Пуста и покрыта густым слоем пыли, сюда явно никто не приходил. Нечто сродни облегчению охватило Аурелия, но быстро сошло на нет. Теперь причина со следствием не сходились совсем. В хаосе беспорядочных суетящихся мыслей всплыло одно-единственное слово, сулящее надежду хоть как-то прояснить ситуацию: матушка. Кронпринц судорожно выдохнул и, ещё раз окинув взглядом подземелье, телепортировался снова.

* * *

Бледно-розовый дворец, вокруг которого раскинулся обширный лесопарк, обычно было легко заметить даже в предрассветных сумерках. Его белые колонны, небольшое озерцо с беседкой и мраморные статуи вдоль парадной аллеи ярким пятном выделялись на тёмном фоне леса. Однако в этот раз было что-то не так: туман, протянувшийся над линией горизонта, не рассеивался, а сгущался угольным пятном. Вскоре оно превратилось в столб густого дыма, но даже понимая, что впереди пожар, Аурелий не представлял масштабов разрушения.

Обуглившиеся стены гигантского остова смотрелись неестественно уродливо на фоне замершей в предрассветной неге природы. Некогда прозрачный, умытый росой воздух отя-

желел от гари. С высоты птичьего полёта урон, нанесённый поместью, был особенно хорошо заметен: поваленные деревья, расколотые статуи, находящиеся далеко от своих пьедесталов, будто бы их швырял великан, – всё свидетельствовало о жестоком вторжении, сметающем обитателей усадьбы со своего пути. Кое-где виднелись простёртые в беспорядке трупы. Аурелий обмер, готовый закричать от ужаса, если бы у него сейчас был голос. Произошло нечто непоправимое, теперь он был уверен, и сердце стеноло и рвалось наружу, предчувствуя страшное.

Чуть снизившись, кронпринц заметил конный разъезд, тоже осматривающий догорающие останки особняка. Ощутив волну магического эха, перепуганные всадники выхватили сабли, однако увидев, кто перед ними материализовался, вытянулись в стременах.

– В-ваше Высочество!

Это были простые норды, из крестьян, напялившие на себя военную форму. Судя по всему, усадьба Юйсинь охранялась без особого прилежания.

– Где императрица? – стараясь сохранять внешнее спокойствие, потребовал ответа Аурелий.

– Не можем знать, Ваше Высочество. Ночью, местные говорят, тут всё сверкало и громыхало, так что они и нос на улицу боялись показать, а едва под утро всё стихло, послали за жандармами. Пока мы сюда добирались, со стороны поместья никого не встретили.

– Хорошо, я сам отправлюсь на разведку. Вызовите немедленно подкрепление и оцепите всё поместье. Никого, кроме жандармов, сюда не впускать.

– Так точно! – облегчённо отсалютовали всадники, обрадованные, что им теперь не надо самим придумывать план действий.

Никто не озаботился безопасностью наследника, отправившегося в одиночку в глубину разорённой усадьбы, ведь всем известно, что род Табриессов благостен и неиссякаем. В этом и заключалось благословение Бездны: каждый монарх династии бессмертен, пока не подойдёт срок правления наследника. Можно сказать, вся жизнь императоров протекала по иным законам природы, хотя как именно эти законы возникли и какому механизму подчинялись, до сих пор оставалось загадкой. Жрецы учили, что такова была воля Бездны на заре времён. Её невозможно постичь до конца, но важно оставаться благодарными за дарованное.

Однако впервые кронпринц ощущал смутную тревогу за собственную жизнь, догадываясь, что отец, даже несмотря на то, что его не оказалось в катакомбах, всё-таки мёртв.

Кромка неба порозовела, обнажая раны особняка ещё больше: расколотый берег озера, и выбитые стёкла окон, и превращённый в топкую грязь газон. Древний род Брунгервильссов, из которого происходила его мать, лучше всего владел магией воды и ветров.

– Матушка! – Пронзительный крик кронпринца разорвал мёртвую тишину поместья и угас.

Он закричал снова, напрягая до предела лёгкие, с тем чтобы услышать в ответ только ужасающее глухое безмолвие. Здесь явно никого не было. Не имея иных подсказок, Аурелий медленно двинулся в северную часть сада, куда вело большинство разрушений. Он старался не приглядываться к серым лицам убитых, лишь скользил взглядом по одежде, чтобы убедиться: это не она. Но в желудке всё равно мутило, и один раз Аурелий не сдержался.

Парк хранил молчание, нехарактерное для пробуждающегося утра. Птиц не было, равно как и признаков присутствия иных живых существ – всё бежало, спасаясь от чудовищных, испепеляющих волн магии, чьи отголоски перекатывались по земле до сих пор и неприятно обжигали кожу. Сапоги Аурелия вскоре промокли, луж и топей было столько, что ему надоело их обходить. Следы боя вели во всё более дикую местность, и вскоре разбитая кладка аллей сменилась слякотью раскисших тропинок. Здесь разрушений было меньше, будто сражающиеся стали более избирательными, зато каждое из заклятий впечатляло своим масштабом. Расколотые молнией деревья, не успевший растаять, с крупное яблоко град, трясина, появившаяся на месте прежде неглубокого овражка, – тот, кто всё это создавал, должно быть, яростно

защищался. Порой улики заводили Аурелия в тупик, и ему приходилось возвращаться, чтобы найти новый след.

Край солнца между тем поднялся над лесом и его лучи проникли под кроны деревьев, разгоняя серый сумрак. Воздух, висевший до этого над землёй неподвижной массой, шевельнулся, и потянуло утренней свежестью; в этот момент Аурелий уловил едва слышный стон.

Ему понадобилось всего мгновение, чтобы очутиться у виднеющейся впереди беседки. Императрица лежала прямо на деревянном полу, широко раскинув руки. Сквозная рана зияла в том месте, где находилось сердце – здесь бессильна даже невероятная регенерация нордов. Сколько же она находилась здесь, мучаясь в предсмертной агонии и не имея возможности быстро уйти из жизни из-за древней силы своей крови?

– Матушка... – хрипло позвал Аурелий, опускаясь перед телом на колени.

Веки императрицы дрогнули, но в приоткрывшихся зрачках ничего не отразилось.

– Матушка, это я. Твой сын, Аурелий. Матушка, ты слышишь меня? – Он бережно поднял её за плечи, пытаясь согреть своим теплом. – Не оставляй меня! Очнись!

Если бы он пришёл раньше... нет, ничего бы не получилось. Её смертельно ранили задолго до того, как он достиг столицы. Её убили, пока он ещё спал в доме губернатора.

– Я счастлива, что ты жив.

Это фразу он скорее прочёл по дрогнувшим губам императрицы, нежели услышал. И её жуткий смысл, который подтверждал все его опасения, который превращал невозможное в реальность, сотряс кронпринца ледяной, крупной дрожью.

– погоди. Где отец? Что случилось? Матушка, ты слышишь? Матушка, скажи ещё хоть что-нибудь! Матушка! Не надо. Ответь мне! Ответь мне!

Они всегда были чужими друг другу, но сейчас, как никогда, Аурелий вдруг ощутил, как много она для него значит. Эта женщина, которую он не успел узнать. Мать, которую всегда в глубине души любил. Её последние, предсмертные слова – они не только напугали его, но и были её прощальной лаской. Крупные слёзы побежали по щекам Аурелия, падая на пропитавшееся кровью платье. Он рыдал до боли в лёгких, до опухших, воспалённых глаз – и никто не появился, чтобы пролить свет на сгустившуюся вокруг тьму преступления; только когда сил уже не осталось, он поцеловал её холодный лоб и, не дожидаясь подкрепления, переместился во дворец.

Он стал императором.

Глава 2. Беспомощность

Тусклое небо медленно насыщалось красками, приобретая свежий и спокойный оттенок. Дрожащий свет разлился по внутренностям дворцовых покоев, выхватывая из сумрака обитую бархатом мебель, матово переливающиеся рамы зеркал, шёлковые обои и наборный паркет. Оставаясь неподвижным в кресле, даже несмотря на коснувшееся лица солнце – замечал ли он его вообще? – Аурелий снова и снова перебирал в памяти содержание последних писем отца. Гадал, не упустил ли чего-то важного, что помогло бы вовремя предотвратить убийство...

В императорском кабинете всё лежало на своих местах и выглядело настолько буднично, что впору было вновь броситься в склеп, поверив, что кошмар всего лишь привиделся. Аурелий плакал до иступления, забывался от переполнявшей его боли, на мгновение думал, что ему так плохо оттого, что не спал всю ночь, – но затем воспоминания накатывали вновь. «Никогда, никогда...» Никогда ему больше не увидеть их – это слово пронзало, точно нож.

Кронпринц поднял глаза на висящий на одной из стен портрет родителей. Его написали за несколько месяцев до свадьбы – а совсем незадолго до торжества дедушка Аурелия исчезнет в гробнице Табриесов, оставив трон Келсию и даже не успев увидеть внука. Выражение лица матушки здесь выглядело несравнимо надменней, чем Аурелий его помнил. Вышло ли это по прихоти художника, или когда-то она действительно была такой – холодной, как лёд, неприступной, как северная метель? Антрацитово-чёрные волосы, которыми императрица Юйсинь очень гордилась и которые никогда не обрезала, здесь были убраны в высокую причёску. Вместо длинной косы по бокам головы полукружьями свисали парадные зелёные ленты, приколотые искусственными цветами шиповника. Невесту изобразили в изумительном изумрудном платье с летящими рукавами. Покатые белые плечи с рельефными ключицами украшали серебро и малахит. Художник постарался передать и благородный румянец щек, и свечение драгоценной броши из янтаря и жемчуга, и вязь тончайшей вышивки по бархату – сразу было видно, невеста из богатейшей семьи империи.

Бордовая вышивка на белой шёлковой рубаше Келсия выглядела точно росчерки густой крови. На левом плече сверкал золотой наплечник с филигранной гравировкой, к которому крепился алый плащ. Точно такие же, как у Аурелия, светлые волосы придерживал золотой обруч диадемы. Будущий император стоял горделиво подбоченившись и смотрел вперёд и вдаль, словно сквозь зрителя, на свои грядущие свершения. Вот таким же отец был и при жизни: отличался быстротой и твёрдостью, предпочитая всё делать по-своему.

Юйсинь на портрете опустила в кресло рядом с супругом, немного наклоняясь в его сторону. Молодые. Величественные. Достойные друг друга. Вступающие в новую, ответственную пору жизни. Но в их отстранённых нарисованных лицах не было ничего, что могло бы сообщить о подлинных чувствах, с которыми они усаживались перед мольбертом художника и произносили в Храме Первородного обеты любви и верности.

– Как же так всё получилось? А ведь я мечтал помирить вас... – шепло прошептал Аурелий. – Матушка, отец... я так вас люблю!

Его срывающийся голос перешёл в беззвучный крик, и Аурелий, в бессильной ярости ударяя кулаком по ручке кресла, скорчился – напряжённый и дрожащий.

– Ваше... Высочество?

Вошедший в покои камердинер испуганно смотрел на кронпринца. Осколки разбитого кувшина для умывания лежали перед слугой на ковре – очевидно, он не сразу заметил Аурелия, такого же неподвижного, как и окружающие его предметы. Один мужчина стоял перед другим таким же мужчиной, но невидимая пропасть между их жизнями была непреодолима.

– Всё кончено. – Аурелий не узнал собственного хриплого голоса.

Ему трудно было объяснить, что именно было кончено и почему, но камердинер, разумеется, понял его по-своему. Лицо слуги будто бы осветилось изнутри благоговейным почтением, и он торжественно встал на одно колено, преклоняя голову.

– Я свидетельствую свою преданность, Ваше Величество. Да славится правление Табриессов, благословлённых Всевидящей Бездной!

– Да, конечно, – машинально кивнул Аурелий. С трудом ворочая в голове неподъёмные мысли, он припомнил, где сейчас могут находиться друзья: Сепиру и Кэрел по-прежнему жили в столице, Пьерше должен был как раз вернуться из командировки при иностранном посольстве... – Пожалуйста, завтрак в малую гостиную на четыре персоны через час, – обратился он к слуге. – Срочно отправьте гонцов к баронессе Шертхесс, графу Круазе и князю Мелирту. Срочно. И чтобы никто пока ни о чём не знал. И не беспокойте меня.

– Конечно, Ваше Величество. – Понимаяще поклонившись, камердинер поспешно собрал осколки и выскользнул из комнаты, торопясь исполнить приказание.

Но, разумеется, побыть одному Аурелию никто не дал. Стоило ему ненадолго провалиться в зыбкое забытье – нервное истощение давало о себе знать, – как за дверями послышался спор.

– Нет-нет, никак нельзя! Его Величество запретил впускать кого-либо, – взволнованно протестовал камердинер.

– Вы не в том положении, чтобы спорить со мной! – А это, судя по всему, был начальник дворцовой стражи, Аурелий сразу узнал его грубый бас. – Его Величество Келсий велел беспокоить его по этому поводу даже ночью. Извольте убраться с дороги.

Аурелий тяжело вздохнул, усилием воли поднимаясь из кресла: да, государственные дела никогда не ждут, а его отец был очень деятельным. Келсий верил, что заботиться о благополучии нордов императору предписано самой Бездной, и потому работа всегда занимала у него первое место. Не стоит ставить в неловкое положение несчастного камердинера.

– Я теперь император. – Резко распахнув двери, Аурелий постарался произнести это как можно весомее, хотя собственный голос показался ему сильным и невыразительным.

Его появление произвело прежний эффект: начальник стражи вздрогнул, окидывая молодого монарха удивлённым взглядом, а затем опустился на одно колено.

– Мои соболезнования, Ваше Величество. И... поздравления. Мне очень жаль, что пришлось нарушить ваш покой в столь тяжёлый час. Но ваш отец и правда просил докладывать об этой проблеме безотлагательно. Не считите за грубость, вам известно что-либо о краже алмазов из сокровищницы?

– Н-нет, – запнувшись, смутился Аурелий.

Алмазы, если это те, старинные, полученные в подарок от Содружества Гномов, – ценная реликвия. Их кража – серьёзное преступление. Мысль о том, что придётся вникать со всей скрупулёзностью в очередное преступление, когда голова и так идёт кругом от ночных событий, в восторг не приводила. Однако деваться было некуда: хочешь не хочешь – поступающие вопросы надо решать. Скоро они посыпятся как из рога изобилия...

– Изложите суть, – тускло попросил Аурелий.

Впрочем, начальник стражи отнёсся к сумрачному настроению императора с пониманием и оказался лаконичен.

– Так точно. Около месяца назад была обнаружена пропажа старинных алмазов. Его Величество Келсий поставил их поиски высочайшим приоритетом, а также велел докладывать о каждом шаге расследования. Только что Министерство сыска сообщило, что преступник – не кто иной, как сам казначей. Судя по всему, он незаконно приобрёл амулет, позволяющий преодолевать охранные чары, а ложное алиби ему обеспечивала племянница. Налицо двойной состав преступления. Каковы будут ваши распоряжения?

Аурелий заложил руки за спину, чтобы не теребить на виду у подданных край вышитой рубашки. Вопрос оказался не из лёгких. Как бы поступил отец? Для чего хотел оставаться в курсе дела? Просто волновался из-за пропажи или отношения с казначеем требовали особой деликатности? Аурелий помнил этого норда: среднего роста, добродушного, с седыми висками. Он был очень стар, и все говорили, что не в этот год, так в следующий уйдёт в отставку. Как же он так оступился в самом конце пути?

– Заберите у него алмазы, артефакт и предложите добровольно покинуть пост. В таком случае судебного преследования не будет.

– Вы уверены? – Начальник стражи с сомнением нахмурился. – Ведь подобное преступление...

– Я ранее имел счастье общаться с казначеем и знаю, что ему чужды столь грязные помыслы! – с болезненной горячностью возразил император. – Его наверняка кто-то использовал. Предложите ему сотрудничество со следствием.

– Как прикажете, – почтительно склонил голову начальник стражи и тут же исчез в глубине коридоров.

– Ваше Величество, те, за кем вы посылали, прибыли, – извиняющимся тоном сообщил камердинер, стоило Аурелию направиться обратно в кабинет.

Император приглашающе махнул рукой.

– Проси.

Дворяне, которые сейчас выходили из экипажей у дворцового крыльца, были молоды, но их имена уже обрели вес в свете. Баронесса Сепиру Шертхесс, происходящая из потомственного рода военных. Граф Пьерше Круазе, чьи родители вращались в блестящем мире богемы. Князь Кэрел Мелирт, чья фамилия давным-давно и безвозвратно обеднела, однако не утратила своего благородного звучания. Многие прочили им блестящую карьеру и будущность, однако в первую очередь они были друзьями Аурелия, и дружбу их выковали годы совместной учёбы в университете. Император с облегчением выдохнул и нервно прошёлся по кабинету, ожидая, что наконец-то сможет хоть кому-то излить всё то, что до сих пор терзало его душу.

Послышавшиеся вскоре голоса выдавали радость воссоединения после долгой разлуки, хотя разговор уже успел перейти на насущные дела империи.

– Племена нагов всегда грызутся между собой. Но конфликты их происходят по строгим ритуалам, и в этом смысле они предсказуемы и совершенно безобидны. Белая империя подчинила змеелюдов ещё полтора столетия назад, и разве у нас были с ними с тех пор какие-либо серьёзные разногласия? Нет. А значит, и сейчас не происходит ничего значительного. Если всё так, как ты говоришь, проблему явно раздувают. – Речь Пьерше лилась изящным потоком, способная увлечь кого угодно.

– Вот и я считаю, что внимания в первую очередь требуют угрозы Королевства Дроу, – ответил ему резкий женский голос, в котором чувствовалась сталь.

– Баронесса Шертхесс, вы ли это? В кои-то веки мы пришли к обоюдному согласию. – Граф откровенно дурачился.

– Не переживай, это ненадолго. Нет, если ты, конечно, перестал увиваться за каждой юбкой, то слегка поднимаешься в моих глазах. Но на многое не надейся.

– То есть от просто склочной дамы ты выросла до полноценной шантажистки? – легко рассмеялся Пьерше, и вслед за ним не удержались и Сепиру с Кэрелом, который, по обыкновению, больше слушал, чем принимал участие в беседе.

Однако веселье вельмож мигом улетучилось, стоило им встретить своего венценосного друга. Аурелий стоял посреди кабинета бледный, осунувшийся, но больше всего поражал его надломленный взгляд.

– Бездна, что случилось?.. – Сепиру первая шагнула к нему, точно бросаясь на помощь. – На тебе лица нет!

– Этой ночью ко мне перешёл Дар. Отца в катакомбах нет. А матушка только что умерла у меня на руках, и все обитатели её резиденции тоже перебиты, – тихо объяснил Аурелий, непроизвольно вздрагивая. – Особняк сторел дотла.

– Не может быть, – охнула баронесса, машинально хватаясь за рукоять фамильного кинжала, который имела привычку всегда носить на боку.

– Ты не шутишь? – нервно усмехнулся Пьерше. – Император... Его Величество Келсий же бессмертен. Как и ты.

И Аурелий был вынужден пересказать всё то, что ему довелось пережить за последние часы. Слова цедились ужасно медленно, точно их не хватало. Вспоминать всё до малейших мелочей оказалось пыткой, а друзья с каждой новой подробностью выглядели всё более ошарашенными.

– Так значит, ты говоришь, что отец будто и не ночевал во дворце? – первым нарушил зловещую тишину Кэрел, обводя задумчивым взглядом комнату. – Тогда Его Величество Келсий всё-таки знал о готовящемся нападении и, видимо, намеревался его предотвратить. Но что-то пошло не так.

– Но никому ещё не удавалось убить Табриесса! Никогда! – возбуждённо зашептал Пьерше, точно сами эти слова звучали кошунственно. – В Тёмные времена императрицу Ютр испекли пламенем дракона, и ведь она воскресла.

– Я знаю, но сейчас мы не можем разрешить эту загадку, – пожал плечами князь Мелирт. – А Дар тем не менее у Аурелия. Значит, пока что примем за аксиому, что Его Величество Келсий каким-то образом всё же оказался мёртв. Так вот, если покушение не было для него неожиданностью, он должен был оставить хоть какой-то знак. Аурелий, ты уже обыскивал содержимое рабочего стола или что-то в этом роде?

– Нет... нет, – помотал головой император. – Я как-то... Я даже не подумал.

Его речь прервал бой массивных настенных часов, отмеряющих семь утра. Аурелий встрепнулся.

– Часы! Отец когда-то показывал мне, что в них есть тайник.

Быстро подойдя к механизму, император повернул одну из резных фигур, и невидимая доселе дверца с щелчком распахнулась. Из узкого отсека бесшумно выскользнул и спланировал на пол белый лист бумаги.

– На нём ничего нет... – нервно произнёс Аурелий, подняв находку.

Он уже устал от этой крови, тайн и недосказанности. В сердце закралась обида: если отец знал, то почему ни о чём не предупредил?! Быть может, Аурелий пришёл бы на помощь и все остались бы живы. Вот так всегда, отцу было плевать на чувства окружающих! И на матушкины в первую очередь! Что, если он даже не пытался её спасти?! В глазах потемнело, кровь застучала в ушах...

– Аурелий. Аурелий! – Голос Кэрела заставил его прийти в себя. – Можно мне посмотреть? А вы задёрните шторы, – велел он Сепиру и Пьерше.

Забрав из онемевших рук императора бумагу, князь Мелирт поднял её перед собой в сгустившемся сумраке.

– Лунные чернила, – изрёк он. – Обычно ими записывают секретную, но не требующую срочности информацию.

– Как ты это определил? – поинтересовался Пьерше.

– Если ты помнишь, мои родители проводят свою жизнь за тем, что занимаются в деревне магическими изысканиями. Великих открытий, увы, сделать им не удалось, зато я знаю много полезной информации. Лунные чернила придают бумаге слабое свечение. Думаю, мы на верном пути, но стоит поискать ещё.

Дополнительные поиски плодов не принесли, хоть друзья и перерыли кабинет вверх дном. Утомлённые, все уселись за остывший завтрак. Предусмотрительный камердинер при-

слал также и бутылъ с кровью, и Аурелий вдруг понял, насколько его истощили за эту ночь постоянные перемещения в пространстве. Он залпом проглотил несколько бокалов и вяло ковырял вилкой глазунью, когда слуга доложил о посетителе. Это снова был начальник дворцовой стражи. Едва войдя, тот с траурным видом поклонился.

– Ваше Величество! К моему глубочайшему сожалению, при задержании казначей покончил жизнь самоубийством.

Вилка выпала из рук Аурелия, со звоном ударившись о паркет.

– Как? – выдавил император непослушными губами.

– Он попросил несколько минут на сборы и выбросился с верхнего этажа своего дома. Сломал шею.

Друзья возбуждённо зашумели. Стало трудно дышать. Реальность подёрнулась белым шумом, сквозь который до Аурелия с трудом доносились восклицания Пьерше:

– Да вы что, не слышали? Его племянница, в которой он души не чает, вышла за какого-то беспутного дворянина. Тот наделал кошмарных долгов в карты, так что они недавно и усадьбу заложили, и завод... Видимо, девица упростила старика пойти на последнее бесчинство, лишь бы не остаться нищей.

«Но ведь я не хотел... – пронеслось в голове Аурелия. – Сколько ещё нужно смертей, чтобы они прекратились?» Ему казалось, что казначей погиб именно из-за его решения. Отец бы такого не допустил. Отец бы поступил по-другому... Так, как Аурелий никогда не сможет.

Должно быть, он провёл несколько минут в прострации, потому что, очнувшись, обнаружил, что все столпились вокруг него с озабоченными лицами.

– Идите, я позову вас позже. – Собрав остатки выдержки, император махнул рукой начальнику стражи, и тот немедленно скрылся.

Аурелий измождённо откинулся на спинку кресла. Тяжёлое чувство тоски и отчаяния затаилось где-то в глубине души неподъёмным грузом. Перед глазами вновь плясала картина разрушенной усадьбы со множеством трупов. Тот скудный завтрак, что император заставил себя проглотить, подкатил к горлу.

– Займётесь потом этим вопросом? – попросил он друзей. – Я не в состоянии думать ещё об одном убийстве.

– Положись на нас, – кивнула Сепиру. – Я предлагаю тебе сейчас немного отдохнуть, – добавила она, переглянувшись с друзьями. – А мы пока разберёмся, что к чему, составим тебе список дел. И нам надо срочно что-то делать со слухами. Если станет известно, что священный император погиб от чьих-то рук... я даже не представляю, каким потрясением это обернётся для всей империи.

– Давайте пока скажем, что император почил естественной смертью, а на императрицу в этот момент устроили вероломное покушение, – подхватил Пьерше.

Всего лишь шокированные, но не ослеплённые болью утраты, они уже начали приспосабливаться к новым условиям.

– Только не уходите, – пробормотал император. – Я больше не выдержу думать обо всём этом в одиночестве. Вы нужны мне.

– Но если хочешь, чтобы мы были рядом, ты должен дать нам полномочия, – сказал вдруг Пьерше.

– Полномочия? – Аурелий растерянно оглянулся, словно пытаясь вспомнить значение этого слова.

– Да, напиши прямо сейчас, пока нет никакого шума, что через три месяца я вступаю в должность министра иностранных дел, Сепиру – министра просвещения, а Кэрел берёт главенство над государственной газетой. Но Кэрелу дай полномочия сегодня же – нужно взять под контроль публикации.

– Я... я... – Аурелий только потряс головой. Мысли плавались, не давая ухватить суть. – Если ты составишь текст, я подпишу, – измученно попросил он.

* * *

Несмотря на ярко-обманчивое солнце, в день похорон было очень холодно. Земля, с которой уже сошёл снег, являла собой безрадостную пустошь, покрытую прошлогодней жухлой травой, такой же безжизненной, как и голые прутья деревьев. Смёрзшаяся после суровой зимы, твёрдая, как надгробная плита, она, казалось, неспособна была что-либо снова родить. В вышине неба непрерывно гудел ветер; он резко дул в лицо, мешая сохранять печальный вид, трепал небесно-голубые розы, которые предстояло положить на надгробие, швырял на обитые шёлком шляпки и фланелевые пальто горсти мелкого снега, когда солнце внезапно заходило за тучи. Тогда яркий свет вдруг сменялся угрюмой тенью. Непрестанный свист ветра в ушах вселял ощущение тревоги, так хорошо резонируя с растерянностью, охватившей собравшийся на похороны аристократический цвет столицы.

Страшные вести следовали одна за другой: кроме поместья императрицы Юйсинь оказались разрушены до основания особняки ещё двух известных родов: князей Брунгервильссов, от которых супруга императора вела своё происхождение, и баронов Шайратов – новых вельмож из числа купцов, а ныне коммерсантов, купивших себе титул три поколения назад. Следователи до сих пор опознавали убитых, и таинственная резня производила настолько жуткое впечатление, что никто не решался рассуждать о ней вслух.

– Мои верные подданные. Друзья. – Голос Аурелия перед мавзолеем, где хоронили только жён императоров или супругов императриц, был глухим и одномерным, точно его выстукивали по крышке гроба. – Сегодня вы собрались здесь для меня, чтобы вместе почтить память императрицы Юйсинь, моей матушки. Пусть срок её подходил к концу, погибла она не по своей воле. Но никакое зло не остаётся безнаказанным. Бездна карает грешников, а Близнецы-Создатели указывают путь к истине...

– Между прочим, половина из них смотрит не на императора, а на нас. И каково же в одночасье вознестись до небес и одновременно чувствовать на себе тысячи враждебных взглядов? – с усмешкой шепнул Пьерше друзьям.

Они стояли сразу за Аурелием, готовые мгновенно прийти на выручку.

– Наслаждаюсь: это значит, что мы сильнее, чем думаем, – едва разомкнув губы, ответила Сепиру. – Но полагаю, что князь Мешерие не вытерпит слишком долго оставаться в тени. Скоро он сделает свой ход.

Князь, о котором они говорили, был одним из влиятельнейших лиц империи и долгие годы при императоре Келсии занимал пост министра финансов. Пока друзья самым естественным образом взяли заботу о молодом императоре на себя, распорядясь всем от церемонии похорон до мельчайших бытовых вопросов, князь на время уступил им главенство. Однако это было не более, чем вежливым реверансом, и придворные только и ждали, как две партии будут в итоге находить общий язык. Тем более что молодые аристократы и мыслили гораздо шире, мечтая о тех преобразованиях, которые чиновники старого порядка сочли бы уж слишком радикальными.

– Всё это так, но давайте пока что отодвинем в сторону интриги и просто почтим память усопшей, – тихо заметил Кэрел.

Долговязый, словно цапля, он на голову возвышался над присутствующими, а его огненные волосы, собранные в длинный хвост, рдели, точно флаг, – с такой внешностью непросто вести укромные переговоры.

– Ты прав. Извини, – кивнул граф Круазе, опуская голову и принимая позу скорбящего.

После нескольких прощальных слов и исполненных гимнов присутствующие стали один за другим подходить к гробу, чтобы возложить цветы. Дамы по привычке скользили взглядом по знакомым, оценивая туалеты, чтобы позже обсудить их в салонах. Одна лишь баронесса

Шертхесс преследовала иные цели, наблюдая за публикой: быть женщиной для неё значило никогда не ослаблять внимания за собственной безопасностью. И довольно скоро Сепиру выделила юную, прелестно одетую графиню Вельц-Шарр, выдвинутую своей мамашей в первые ряды. Шёлковые туфли были уж больно изысканны для похорон, и покроя платья нет-нет да и стягивал при лишнем движении приподнятую грудь, и эта чудная шляпка с вуалью... всё в этой аристократке граничило между трауром и грацией, тоской и театральным шармом печали; она была воздушна и невинна, как героиня какого-нибудь поэта-романтика. «Мамаша не дура, – подумала Сепиру. – Надо держать за ней глаз да глаз».

И точно – стоило знати начать расходиться и стройному порядку рядов нарушиться, как эта нордианка, словно лепесток розы, увлекаемый могучим потоком гостей, будто бы случайно столкнулась с новоиспечённым императором.

– Ах, Ваше Величество, прошу прощения!

И, несмотря на это исполненное почтительности восклицание, Аурелию пришлось подхватить её, потому что дева тут же осела у его ног.

– Вам плохо? – Даже если у него не было на это желания, императору пришлось из вежливости подвести её к скамье, ведь все смотрели.

Её пушистые ресницы слабо затрепетали, и из-под них на молодого правителя устремился столь нежный, столь исполненный сострадания взгляд, что даже каменная статуя заплакала бы под ним.

– Я слишком впечатлительная... Но мне грех жаловаться, когда вам ещё тяжелее. Примите мои искренние соболезнования. Знайте: я всегда восхищалась благородством вашей матушки. – Влажные оленьи глаза, с доверием заглядывающие ему в лицо, требовали продолжения трогательной беседы.

Сепиру не могла слышать, о чём они говорят дальше, но видела, как сжимаются и деревенеют челюсти Аурелия, как стекленеет и уходит в себя его взгляд.

– Чтоб тебя некромант обратил... – зло процедила про себя баронесса.

Поток толпы разделял их, не позволяя быстро прийти на выручку. Ещё раз грубо выругавшись, Сепиру устремилась на противоположный край к старшей графине Вельц-Шарр, прохладящейся в тени пышной ели. Когда баронесса Шертхесс приблизилась, той не оставалось ничего, кроме как сделать вид, что она ищет свою потерянную дочь, и с едва скрываемой досадой прекратить разыгрываемый фарс. К счастью, пока они раскланивались, Пьерше со свойственной ему находчивостью перенял заботы о девице, а Кэрел сопровождал Аурелия к карете, ограждая от посторонних.

* * *

– Нет, это Бездна знает что такое. У них совсем стыда нет, набрасываться на Аурелия прямо на церемонии, – всё ещё кипятилась баронесса спустя три часа, в негодовании отрезая себе кусок мясного пирога, из которого брызгал горячий сок.

Они заканчивали обеденную трапезу, и вялый, то и дело намеревающийся угаснуть разговор поневоле отдавал печалью. Все минувшие три дня Аурелий ходил молчаливый и подавленный, и его отсутствие в беседе ощущалось друзьями, как зияющая прореха в мироздании.

– Ну а что ты хочешь? Теперь, когда Аурелий внезапно приобрёл всю полноту полномочий, начнётся гонка. – Отставив чашку, Пьерше философски пожал плечами. – Выдать дочь за императора – всё равно что полкоролевства купить. Тут никуда не денешься. Зато я успел переброситься сегодня парой слов со знакомыми, и вспомнил, что у Брунгервилльссов вроде бы осталась в живых дочь, ну, с которой пять лет назад что-то там случилось, и она была отправлена в пансион. Надо найти её.

– Серьёзно? – удивился Кэрел. – Никогда не слышал.

– Ну ты просто рос в своей деревне, поэтому многих по-прежнему не знаешь, – отмахнулся граф Круазе, хмуря лоб. – Как же её...

– Арэйсу, – подсказала Сепиру. – Да, она вроде была самой младшей... Наверное, её просто спихнули куда подальше. Вряд ли она что-либо знает. Но, впрочем, стоит навести справки. В любом случае она теперь единственная наследница.

– Вот так счастья привалило, скажи? – присвистнул с усмешкой Пьерше. – И от родственничков избавилась, и владелицей несметного богатства оказалась.

– Болван, соображай, прежде чем языком молоть! – Баронесса пнула его ногой под столом.

Осёкшись, граф опасливо обернулся на Аурелия, но тот оставался настолько безучастным ко всему, что друзья тоже помрачнели. Его апатия пугала их, они хотели помочь и не знали как.

– Да уж, ищут, ищут, а яснее ничего не стало... – неловко протянул Пьерше, возвращаясь к теме преступления, и все сразу задумались.

Фальшивая версия убийства пришлась общественности по душе. Брунгервильссы были древним и консервативным родом, члены которого жили очень закрыто, оберегая чистоту крови. Две предыдущие императрицы носили в девичестве эту же фамилию, и многие осуждали Брунгервильссов за узурпаторство монаршей власти. Так что высший свет и простые норды – все одинаково быстро поверили, что бойня, развернувшаяся в трёх поместьях, была битвой за превосходство, окончившейся в итоге полным взаимоуничтожением двух семей. И бремя вины за нападение легло на фамилию Шайратов.

Но вот свежие факты, сообщаемые исключительно императору и его ближайшему окружению, начинали утверждать обратное...

– Короче, – с досадой скомкав и бросив в тарелку салфетку, предложил Пьерше. – Давайте обсудим ещё раз то, что нам известно. Во-первых, из отчётов следователей видно, что и Брунгервильссы, и Шайраты защищались, так же, как и императрица Юйсинь. Во-вторых, на территориях их особняков не было обнаружено посторонних трупов. В усадьбе Юйсинь, помимо самой императрицы и прислуги, найдены тела её брата Грева, одного из Шайратов и их лакеев. Какие выводы мы можем сделать?

– Это не было междоусобной резнёй, – подал голос Кэрел. – Их убил кто-то извне. Тем более если мы вспомним, что десять лет назад без вести пропал дядя Аурелия, логично заключить, что кто-то поставил целью истребить Табриессов и их ближайших родственников.

Упоминание кронпринца Терпция пробежало зловещим холодком по позвоночнику обедающих. Его Высочество Терпций был братом-близнецом императора Келсия, исчезнувшим во время одной из частных поездок за границу. Инвалид, с рождения страдающий отсутствием магических способностей, он был в то же время пламенным политиком, каких ещё поискать. И, разумеется, нажил немало недоброжелателей. Его пропажа стала трагедией не только для императорской семьи, но и для целой страны. Однако, принимая за аксиому бессмертие Табриессов, все до сих пор верили, что однажды кронпринц вернётся целым и невредимым. Теперь же приходилось признать, что, скорее всего, Терпций тоже давным-давно мёртв.

– Одно мне непонятно, – продолжал князь Мелирт. – Каким образом здесь оказались замешаны Шайраты? Это семья, вращающаяся в совершенно иных кругах, нежели потомственные дворяне вроде нас. Их убийство выпадает из составленной мною цепочки.

Предупредительно громкий стук в дверь заставил его умолкнуть.

– Министр финансов, князь Мешерие, – доложил лакей.

– А вот и он, – пробормотала Сепиру.

Среднего роста, плотно сложенный норд, не дожидаясь разрешения, протиснулся в двери. Для своих пожилых лет и грузного вида передвигался он на изумление плавно. На тёмно-вишнёвом, в соответствии с трауром, пиджаке поблёскивал оправленный в бронзу рубин. Туго затянутый платок очерчивал довольно изящную, пусть и дряблую шею. Узкие, по сравнению с широким и объёмным телом, ступни были облечены в лакированные туфли с загнутыми нос-

ками. Тёмные, жёсткие волосы, уже поддающиеся седине, он аккуратно зачесал назад, открывая широкий желтоватый лоб. Янтарные глаза старика сверкали пронзительным холодом. Для своих семидесяти лет князь Мешерие выглядел очень молодо, и насыщенный, свежий аромат туалетной воды окружал его, как прекрасный и полный сил цветок. Величавой поступью чиновника, привыкшего большей частью повелевать, чем подчиняться, он прошёл прямо к императору.

– Ваше Величество, глубоко сожалею об утрате. Но нам необходимо срочно подписать указ об утверждении проекта крепости. Ваш отец откладывал согласование в течение полугода уже несколько раз, но больше ждать нельзя. – Тёмный взгляд, излучающий учтивость, сверлил молодого монарха.

Аурелий, через силу придя в себя, посмотрел на бумаги, которые протягивал министр. Вопрос стоял в том, где предпочтительнее построить крепость – на северном побережье нагов или на границе с Королевством Дроу. Нервозность, ещё большая, чем в первый день правления, выступила холодной испариной. Конечно, какой бы вариант он ни утвердил, никто из окна не выбросится... И всё же Аурелий чувствовал, что не в силах вынести решение. Страх ошибиться сковал его по рукам и ногам.

Заминка затягивалось, и император нутром чуял, что это нехорошо. Министр молчал, точно издеваясь, ничего не поясняя и не помогая.

– Оставьте документы, я с ними ознакомлюсь позже, – быстро произнёс Аурелий.

– О да, безусловно, – почтительно поклонился князь Мешерие. – Как правило, император должен рассмотреть любой документ, но, учитывая, что вы даже не до конца прошли своё обучение в провинции... Как вы знаете, ваш отец всегда доверял мне, и в данных обстоятельствах вы можете полностью положиться на моё стремление служить отечеству. Вы вправе обращаться ко мне за советом, я бы даже счёл это благоразумным... Что до данной резолюции, то, безусловно, необходимо озаботиться ситуацией на северном побережье. Не далее как за последний год произошло целых два столкновения с дикими племенами нагов.

– Позвольте. – Пьерше с грохотом отодвинул стул, перетягивая внимание на себя. – Аурелию необходим покой после похорон. Прошу вас пока не утомлять его длинными речами. Передайте бумаги нам, – он обвёл ладонью Сепиру и Кэрела, – и мы сообща вынесем решение в течение этого дня.

– А мне казалось, этот вопрос уже был решён, – сухо подала голос баронесса. – Его Величество Келсий отмечал в черновиках проекта, что крепость должна быть построена на юго-восточной границе с дроу. Вам должно быть об этом прекрасно известно, Ваша Светлость. Почему же вы настаиваете на ином?

Повисло несколько неловких секунд, во время которых министр, не шелохнувшись, впервые окинул молодых чиновников жёстким, пронзительным взглядом. Янтарные глаза его сверкнули совершенно холодно и враждебно, но фавориты императора никак на это не отреагировали. Затем князь улыбнулся.

– Осмелюсь спросить, занимался ли кто-то из присутствующих данным проектом вплотную, чтобы иметь о нём полное представление?

Его голос оставался абсолютно ровным. Он даже приобрёл мягкие будничные оттенки, как если бы князь Мешерие участвовал в светской салонной беседе. Но...

– Это сейчас не имеет отношения к делу, – возразил Пьерше. – Вам известно мнение покойного императора, память которого Аурелий глубоко чтит.

– То есть вы признаёте, что нет, но при этом желаете принять серьёзное решение с далеко идущими последствиями. Весьма самонадеянно, должен сказать. – Улыбка князя стала чуть шире, точно приветственная.

– Ваше мнение в данной области совершенно без надобности, министр финансов, – с усмешкой парировал Пьерше. – Император способен самостоятельно определить компетентность каждого из нас.

– Именно поэтому я с удовольствием обсужу с вами текущее положение дел, если только Его Величество действительно сочтёт себя не в силах выполнять свой долг. – С лёгким поклоном князь отвернулся от них. – Ваше Величество, должен отметить, что имеются новые возражения, которые необходимо рассмотреть, и они могут оказаться решающими для перемены резолюции. Ваше Величество!

– Да-да, оставьте, пожалуйста, бумаги... – вздрагивая и выпрямляясь, точно вырванный силком из тяжёлого сна, ответил Аурелий. – Я сам приму решение, но чуть позже.

Больше всего в эти дни ему хотелось одиночества: ещё раз, хотя бы мысленно, обратиться к родителям. Побывать наедине с воспоминаниями. Груз невыясненных вопросов придавал утрате особо горький привкус. А вместо этого его постоянно дёргали, дёргали... хоть Аурелий и понимал, что это неизбежно.

Его друзья ещё некоторое время спорили с министром финансов. Князь Мешерие никак не желал убраться восвояси, но он был фигурой, с которой приходилось считаться или, в всяком случае, следовало соблюдать осторожность. О том, как он приобрёл славу дворцового интригана, ходили легенды. Расстались холодно, если не враждебно, и документы князь забрал с собой.

После обеда разбирали пришедшую за утро корреспонденцию и составляли план, какие задачи необходимо решить в первую очередь. Друзья здорово помогали Аурелию, проводя рядом с ним ночи напролёт и компенсируя нынешнюю рассеянность.

Поздно вечером, когда император прилёг отдохнуть, все трое вышли, чтобы сделать кружок по прилегающему к дворцу парку. Было очень свежо. Густая, прожорливая темнота скрадывала пространство и предметы, и фонари у лавочек, рассеивающие зеленоватый свет, были лишь ещё одной её частью, а не противником. Издалека, словно из другого мира, доносилось ржание лошадей. В такой обстановке разум начинает блуждать далеко-далеко, и каждый из аристократов наконец-то сбросил тяжесть прошедшего дня, погрузившись в личные размышления...

Кэрел думал о том, что каждый из них изменился за прошедшие годы. Из глубины утёкшего времени их студенческая пора теперь отдавала детской наивностью. Сепиру выросла опытной чиновницей в сфере просвещения, как о том и мечтала. Пьерше превратился в долгожданного гостя всех салонов, не говоря уж о блестящей карьере в посольстве... Сам Кэрел, как и прежде, оставался погружённым в научные изыскания. Не значило ли это, что каждый из них теперь был более незнакомцем, чем другом? Не осквернят ли они память о прежней дружбе неосторожными действиями?

Зато Пьерше и Сепиру, шагая по аллее чуть впереди князя, пусть и не держались за руки, но находились так близко друг к другу, что вполне могли бы это сделать. И мысли их текли в схожем направлении. Каждый вспоминал сегодняшнее утро перед похоронами, которое смутило и взбудоражило обоих.

Помощь Аурелию потребовала от друзей напряжения всех сил; немногословный Кэрел неизменно предпочитал уединение, а вот граф и баронесса нередко засыпали над документами в одной комнате. Так и в этот раз, пока Сепиру стояла перед зеркалом с щёткой, укладывая светлые волосы в деловой пучок, Пьерше выглянул за дверь и крикнул:

– Завтрак на две персоны!

Вскоре на пороге объявилась служанка, толкая перед собой тележку с горячим, дымящимся завтраком.

– Прошу вас. – Она была человеком, это чувствовалось по её почтительным, несколько робким манерам.

Взгляд девушки невольно метнулся в сторону графа Круазе, который колдовал без магии, облачаясь в траурный наряд. Матовое мерцание серебряных аксессуаров не нарушало общего угольно-чёрного тона. Шёлковый платок, повязанный вокруг шеи, был слегка надушен, и горьковатый лимонный аромат уже плыл по комнате. Лёгкими, точно небрежные мазки художника, акцентами служили бриллиантовые запонки и застёжки – им вторил спрятанный под пиджаком жилет с металлической искрой. Мало кто в свете, особенно среди дам, мог сдержать восхищённый вздох при виде этого элегантного мужчины с чуть выющимися, чёрными, как вороново крыло, волосами, уложенными в короткую причёску! Что уж говорить о простой горничной...

С трудом оторвавшись от созерцания вельможи, служанка в замешательстве оглянулась, не зная, куда лучше поставить тарелки.

– Оставь, мы так поедем, – отрезала Сепиру, подходя и наливая кофе. – Будь добра, поменяй полотенце и воду для умывания.

– Сию минуту, Ваше Благородие.

Как и многие, раболепно склонившись перед жёсткой манерой баронессы, девушка поспешила прочь. На полпути она закашлялась, прикрываясь рукавом.

– Что с тобой? Ты простудилась?

– Не беспокойтесь, это скоро пройдёт, – виновато потупилась служанка. – Сейчас такие солнечные дни... Я слишком легко оделась.

Так и не выпив кофе, Сепиру сумрачно отставила чашку и, выпустив из пальца острый коготь, царапнула ладонь, позволяя капле крови упасть в напиток.

– Так нельзя ходить. Выпей, и через пару часов всё пройдёт². – Она устало отдала кофе девушке, которая с признательностью приняла кружку обеими руками.

– Благодарю. Благодарю вас. – Боясь случайно расплескать драгоценную жидкость, горничная осторожно, но уже несколько смелее поклонилась хмурой Сепиру и, прихватив ещё и кувшин с полотенцем, направилась прочь из комнаты. – Я принесу вам новую чашку, Ваше Благородие.

– Постой, – вдруг окликнул девушку Пьерше.

На кончиках его пальцев сооткался из ниоткуда росток. Дымчато-зелёные радужки графа загорелись алым цветом – неотъемлемой особенностью любого норда во время колдовства, по которой ранее их и вычисляли среди людей. Истаивая, точно в мираже, и меняя очертания на глазах, росток превратился в гибкий стебель, вытягиваясь и обрастая шипами, и на конце его набух тугой, обтянутый бархатной оболочкой бутон. Ещё через мгновение матовые зелёные створки лопнули под тяжестью налившихся лепестков, выпуская на свет белую розу. Приблизившись к служанке, граф Круазе галантно протянул ей только что сотканный из магии цветок.

– Достойная плата за восхищённый взгляд, которым вы меня одарили, – сказал он со спокойной улыбкой. – В чём дело? Вам не нравится цвет? Я могу вырастить любой, какой захотите, – подмигнул он покрасневшей до кончиков ушей девушке.

Та быстро приняла розу, но глаз по-прежнему не поднимала.

– Что вы, не стоило, – наконец смущённо прошептала она так, что граф едва мог слышать.

– О, здесь всё просто, – обворожительно улыбнулся Пьерше. – Вы посмотрели на меня, я посмотрел на вас – наша разница в положении не преграда. Сдаётся мне, вы очень умненькая и знаете себе цену. Но, если желаете, мы можем свести знакомство поближе.

² Для людей кровь нордов обладает поистине целебными свойствами, избавляя от многих недугов. И Первородный, основав Белую империю, утвердил закон симбиоза, который соблюдается до сих пор: люди, пожелавшие жить бок о бок с нордами и жертвовать им свою кровь, в обмен могут рассчитывать на аналогичную помощь.

От такого поворота событий служанка стушеввалась окончательно.

– Красная улица, дом десять. Покажете цветок, и слуги вас пустят. Разумеется, я не настаиваю. Можете заглянуть в среду, не раньше десяти вечера.

Мягкий, дружелюбный голос Пьерше не предвещал угрозы, и девушка наконец осмелела. Она улыбнулась – ещё пока слабо и в то же время многообещающе, с новым, незнакомым кокетством, поверив, что её действительно отметили. На мгновение показалось, что они вот-вот поцелуются, потянувшись друг к другу, но затем горничная, опомнившись, уже с достоинством поклонилась и поспешно вышла.

– Про полотенце и воду не забудь! – крикнул ей вдогонку Пьерше и, весело посмеиваясь, сказал уже сам себе: – Ловко притворяется... Это будет занято.

Процесс утончённого флирта доставлял ему такое же удовольствие, как и грамотно сочинённая и распланированная до мельчайших нюансов дипломатическая нота. Предвкушая новую любовную головоломку, составляющие которой были пока неизвестны, Пьерше, улыбаясь, запустил ладонь в волосы.

И осёкся, вспомнив о Сепиру.

Деликатно отвернувшись, баронесса, как изваяние, застыла перед зеркалом – и по её прямой спине, наглухо запааянной в тёмно-синюю с золотой окантовкой ткань, точно в доспехи, было невозможно прочесть ни единой эмоции. Льдисто-белоснежные волосы. Жакет со стоячими плечами, на манер военных. Широкий пояс, как всегда оттягиваемый фамильным украшенным чеканкой кинжалом. Её бёдра выглядели уже плеч, в свободной одежде силуэт очень напоминал мужской, и всё же тонкая и не такая мощная фигура была несомненно женской.

– Гляжу, ты всё такой же, – фыркнула она. – Разве что сменил престарелых дам на молодых. Или уже успел настрочить пачку дешёвых стихов княгине Яршиш?

– Что поделать. Я давно пришёл к заключению, что невозможно найти все виды удовольствия в одном флаконе, – вальяжно улыбнулся Пьерше, хотя упоминание о княгине Яршиш пробудило в нём отдалённое беспокойство.

– Флаконе? – Сепиру вопросительно вздёрнула бровь.

– Моя теория заключается в том, что в супруги мы выбираем партнёра либо для тела, либо для души. Как правило, найти всё в одном флаконе довольно трудно. Приходится определяться, что более необходимо.

– Правда? А что же выбираешь ты, флиртуя направо и налево?

– О, пытаюсь балансировать на тонкой грани, получая немного и того и другого и оставаясь в конце концов ни с чем.

– А это, видимо, уже пример мужской логики.

– Какая же ты язва! Ещё хуже, чем когда мы учились в университете. Эти чиновничьи кабинеты окончательно испортили твой характер.

– И даже не надейся на снисхождение, – усмехнулась Сепиру отражению графа в зеркале. – Кружишь головы бедняжкам. Хотя, – добавила она пренебрежительно, – они и сами те ещё дуры, если душу готовы продать за твою внешность. Когда я только встретила тебя в первый раз, сразу поняла, что ты безнадёжен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.